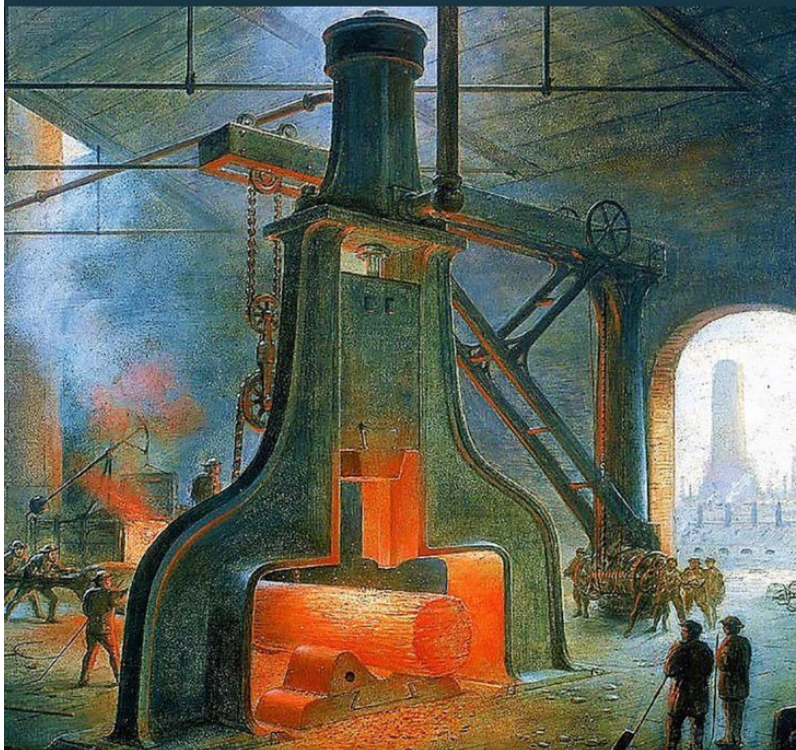

18+

Павел Поповкин

Железный дневник

Павел Поповкин

Железный дневник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67971339

ISBN 9785005688132

Аннотация

Дневник девятнадцатилетнего Паши Жигульского. Проживает в небольшом промышленном городе. Свободное время посвящает чтению художественной литературы. Он чувствует и сознает, что не от мира сего. Любит девушек, но только на расстоянии... Родители устраивают Пашу на завод простым рабочим, где его книжные представления о жизни сталкиваются с грубой реальностью. Наконец, он приходит к мысли, что следует как можно скорее завершить свое земное существование... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Господину Издателю	5
13 августа	7
14 августа	16
25 августа	19
30 августа	23
2 сентября	29
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Железный дневник

Павел Поповкин

Корректор Маша Черноок

© Павел Поповкин, 2022

ISBN 978-5-0056-8813-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Господину Издателю

Господин Издатель, наш небольшой город основан в октябре 1945 года. Численность населения на данный момент – двести тысяч человек. Город находится на левом берегу Самаркандского водохранилища, правый берег – украшают внушительного вида сопки. Кроме замечательных сопкок, мы имеем и другие достопримечательности: 1) гигантский металлургический комбинат; 2) зимой выпадает настоящий черный снег – комбинат-то находится в километре от города, дымит и дымит, проглотил небо с солнцем; 3) устаревший вид транспорта – трамвай, по ночам страшно гремит. Я сам родился здесь и никуда не собираюсь переезжать – черный снег, отравленный воздух стали мне как родные. Живу не бедно и не богато, в целом – нормально.

Господин Издатель, Вы держите в своих руках дневник моего знакомого – Паши Жигульского. С недавних пор он отказался вести ежедневные записи, причину просил не раскрывать. Передал тетради в мое полное распоряжение. Я прочитал первые несколько страниц, остальные наскоро пролистал – занимательного очень мало, в основном нудное описание душевных переживаний и пересказ бесед с подозрительными личностями, в том числе со мной. Есть пошлости и цитаты из классиков. Вы спросите: любовная интрига, вздохи под луной встречаются в тексте? Не знаю точно,

повторяю, читал вскользь, попадались женские имена, еще натолкнулся на эротический кусок, где автор глазами долго раздевает красивую девуцу. Зато автор точно не любит сытых, довольных жизнью сограждан, он бы Вас господином не стал называть. Думаю, люди с иным вкусом поспорят со мной, если будут иметь возможность ознакомиться с содержанием дневника. И тут следует рассчитывать на Ваш приговор: выпустить в свет это довольно противоречивое творение либо оставить как есть – в рамках сугубо интимных записей, которые под конец жизни следует поглубже закопать в саду. Если Вы сочтете, что последний вариант более предпочтительный, тогда прошу Вас, господин Издатель, переслать дневник мне обратно. Надеюсь на Вашу порядочность.

г. Темиртау, 17 августа 1997 года

13 августа

Звезды еще кружились над яблонями. Я проснулся от колокольного перезвона: отец размешивал поочередно в двух кружках крепкий индийский чай. Проткнув шторы, в комнату просочилась заря, целовала углы и паутину. Прямоугольные полутени маршировали по стенам; рамы окна четко прорисованы на белой поверхности, скоро здесь появится мой силуэт...

Надо вставать, надо раздвигать ресницы! Рядом с подушкой лежала одежда, пропахла вчерашним бродяжничеством. От спрятанных под кроватью кроссовок тоже сильно несло дымом, печеной картошкой. Настроение – не особо. Не люблю рыбалку, не понимаю, в чем такие люди, как мой отец, находят азарт. Вид поплавок на воде производит отупляющее действие. Сам процесс насыщен детским садизмом. Человек с хрупким сердцем, кому приходилось выдирать из глотки молодого окуня глубоко проглоченный крючок, поймет мое беспокойство. Кроме того, ровно год назад на речке, помогая отцу надувать лодку, я неосторожно взглянул на разгоравшееся солнце. Результат – легкий ожог сетчатки. С тех пор в темном помещении перед глазами частенько зажигаются красные расплывчатые фонари, чем ярче они, тем острее болезненные ощущения.

Оделся, обулся, подавил намечавшийся зевок. Кухон-

ное окно запотело, наш дачный домик находится в низине, здесь всегда очень прохладно. Сел за стол, поднял кружку. Чай ошпарил губы. Очень противный, жесткий вкус, отец не умел готовить заварку. Пришлось добавить больше сахара.

Пора! Телескопические удочки звали в бой. Шагаем. Впереди, позади, над нами – тонкая пелена тумана, толщиной с лезвие ножа, когда поднимался на возвышенность, молочные края перерезали шею. Странное ощущение, как будто паришь в облаках, не отрывая ног от земли. Думаю, так себя чувствовал Лемюэль Гулливер, когда попал в Лилипутию. Открыл рот и откусил кусок тумана. На вкус – сырое мясо.

Природа не очнулась, ее веки прикрыты, слегка вздрагивают от щебета ранних пташек. Особенно красиво оцепенели камыши, вес накопившейся росы низко наклонил их грустные султаны (для полноты картины не хватает звуков мандолины).

Речка еще не с нами, но настойчиво намекает о своем существовании. Мертвые водоросли выпускали газовые волны. В ноздрах завоняло прокисшим варевом, забродившим соком, притоном, разложением, полураспадом, смертью и жизнью, круговоротом веществ. Чудесный фейерверк запахов взломал мой неопытный мозг. Сознание пошатнулось, на секунду отчалило...

Берег. Парочка рыбаков. Незнакомый дедушка полностью завернулся в плащ-палатку, высовывался только нос, похо-

жий на соленый огурец; далее – дядя Виталя (Виталий Иванович Любарщук), наш сосед по дачной улице, его седовласая голова приветливо кивала застывшему поплавку. Мы с отцом кинули хлебную подкормку, расположились на глиняном выступе и в ожидании чуда устали на свои поправки. Это был район дикого пляжа, как требует обычай, кругом лежали фантики, окурки, сопля, детские соски, бутылки, предметы личной гигиены. Маленькая свалка создавала особую атмосферу нашенского уюта: мы отдыхаем не где-то в стерильных лазурных субтропиках, а у себя дома, это наше болото, наши глина и мусор; дружище, располагайся поудобнее и правь своей лодкой или удочкой. Кури, пей, бей, ругайся – никто тебя не обидит, никто не помешает!

– А, падлы! – рявкнул дядя Виталя, хлопнув по левой, а потом и правой щеке, прогоняя опьяневших вампиренышей. Нелегко им было впиться и позавтракать выдохшейся кровью шестидесятипятилетнего мужчины. Кто не успевал вовремя улететь, агонизировал на подбородке, сломанные икароподобные крылья жевала жестокая щетина.

– Много поймал? – спросил отец соседа.

– Недостаточно, – сосед кивнул на опущенную в воду капроновую сетку. Если мастеров спорта по гимнастике связать и положить на колючий пол, вероятно, они будут так же ловко, как пойманная рыба, дрыгаться и переворачиваться. В сетке оказалась мелкота, невинные младенцы, даже коты их будут пожирать со слезами. Вот чего я боялся, избиение

шло полным ходом. Молодняк следует немедленно отпустить на волю. Надо убить дядю Виталию и отпустить! С другой стороны, его можно понять. Старые рыбаки, кого в детстве задела Великая война, редко когда выбрасывают мелочь обратно в речку, причина – не жестокость и не жадность, их поколением неосознанно движет ощущение скорой катастрофы, вдруг завтра новая тотальная война, ленинградский голод, мор, геноцид, джихад. В продуктовый магазин может попасть бомба, и как тогда жить? Малек – пусть меньше мизинца, все равно пища про запас, на всякий случай.

– Погода плохая, – жаловался старик, пытаюсь плотнее завернуться в свой демисезонный кокон.

– Меня погода удовлетворяет, – заявил дядя Виталя, – но клев действительно плохой, наверное, не то место выбрал, не того напарника, неудачу приносишь.

– Если подкормка и другие хитрости не помогают, зови слепой дождик, он должен находиться в рюкзаке у каждого опытного рыбака, – загадочно вещал старик. – Когда на воде от дождика возникнет легкая рябь, тогда, товарищ Виталий, лещ, окунь, плотва точно не заметят твое страшное, косматое лицо. Как на банкете, спокойно подплывут и с удовольствием проглотят крючок.

Наш сосед, насколько я понял, неоднократно слышал эти шуточные премудрости, потому остался к ним совершенно равнодушен. Видимо, старик таким образом развлекал меня или себя.

Через час... Отец поймал гораздо меньше рыбы, чем ему хотелось. Дядя Виталя, поплеывая на мое отражение, долго и смачно рассказывал о хорошо прожаренном карпе, ломтиками уплывающем в пищеварительную систему, предварительно смоченную стаканом доброго домашнего вина. Всем, кто имел уши, сильно хотелось попробовать описанного карпа, жалобное внутриутробное бормотание пронеслось над водной гладью.

Через два... Холодок по-матерински убаюкивал. Наш коллектив сладко дремал. Мой поплавок, напротив, очнувшись, проводил время в свое удовольствие: нырял, переворачивался, дрейфовал. Вокруг пластмассового выскочки хищно кружились плавники. Мальки-самоубийцы играли в свою русскую рулетку, спешили отведать свежайшую наживку. Сквозь спокойную синеву легко можно наблюдать за тем, как на стальном крюке извивался червяк-великомученик. Взрослые рыбы расталкивали мелочь, словно львы подводного амфитеатра, набрасывались, укорачивали сочный кончик. Эта свалка разбудила мое внимание. Туман рассеялся, открыв на противоположном берегу разноцветные походные палатки, из одной вынырнула высокая девушка, до колен свисала мужская футболка с изображением повелителя ада. Испуганно, на цыпочках прошла по ледяному песку. Исчезла в непроницаемых зарослях. Вернулась с довольным видом, привела в порядок растрепанные русые волосы. Вытащила из палатки бинокль, настроила, принялась обзирать

окрестности. Изучив зеленый островок и насыпную дамбу, объективы остановились на квартете рыбаков.

– Прицеливается, – ехидно сказал дядя Виталья.

– Палатка двухместная, есть кому согреть, – заметил старик.

Поплавки получили полную свободу, мы внимательно следили за девушкой. Несмотря на холод, она решила искупаться. Представление началось. Сняла футболку, небрежно откинула. Несколько желтых струнок змеились по телу – подобная конструкция называется откровенным купальником. Мои близорукие глаза не различали веревочек – слишком далеко до того берега, – поэтому видел абсолютно голую красавицу. Возбужденное воображение часто дополняет и приукрашивает то, что бессильно объять слабое зрение. Грудь представлялась почти мальчишеской, талия – уже моего запястья, зато ноги и руки невероятно длинными (долгоиграющие). Казалось, она ангелом парит над речкой и поет чарующую песенку, на самом деле энергично плыла в стиле брасс, по ходу фыркала и отплевывалась. Держала курс в нашу сторону.

– Она ныряет! Там как в холодильнике! – переходя в крик, волновался старик. – Август, август на дворе, Иван в полночь нассал в речку! Прoberет ее дрожь, судорога схватит. Потонешь, дочка!

– Пашка, лови удачный случай, – сладострастно шептал дядя Виталья. – Обними покрепче и тащи домой. Сыграете

на диване свадьбу!

Девушка продолжала заплыв, к счастью, не слышала нас, не замечала пару ненасытных глаз... Какое неземное наслаждение ожидает того, кто порвет эти желтые струны и нащупает то, что они едва скрывают! С каждым движением рук полуголой пловчихи я сильнее чувствовал свою настоящую животную сущность, по щекам, животу бурно растеклась жаркая невидимая смесь. Надо действовать, перевоплотиться в похотливого подлеца и плыть навстречу добыче, пленить, а затем нежно изнасиловать. Хотелось потерять девственность, здесь и сейчас... – Ну, выдумал – Паша-самец! Ты – не самец, ты выше этого! Нет-нет, не посмеешь! Хорошее воспитание переломит инстинкты. Ты маменькин сынок, одомашненный зверек. Замри и наблюдай за поплавком! Вот так, правильно, Паша.

Старик суетился, охал и ахал. Вычислив, куда причалит девушка, покинул свою удочку, снял плащ-палатку, расстелил на траве. Уперся руками в бедра и высматривал: как там, что там, скоро ли?

– Осторожно, везде битое стекло, – руководил он заплывом. – Курс чуть левее, я постлал ковер, сюда гребь, тут безопасней, тут друзья и горячий прием.

Девушка достала ногами дно, встала. Чуть смутилась от столь пышной встречи и возрастающего зрительского внимания. Впрочем, она сполна получила то, ради чего плыла сюда. Поблагодарив чересчур заботливого старика, хоте-

ла немедленно отправиться в обратный путь. Но настойчивое приглашение заставило передумать, согласилась немного отдохнуть. Приветливо улыбнулась нам. Представление продолжилось. Старик быстренько стянул с себя еще свитер, чтобы укрыть эти прозрачные плечи.

– На, пригодится вместо полотенца, а лучше надень. Не бойся табачной вони, я привык, и ты привыкнешь.

Пловчиха осторожно понюхала свитер, после чего вернула.

– Спасибо, дедушка, мне все равно надо лезть в речку.

Веселая, мокрая прическа скрывала ее тонкое лицо. Заораживающее видение! Восторги внутри меня рвались наружу. Во что бы то ни стало надо сказать комплимент... – Не надо! А как же поплавок, не отвлекайся! Назад – к приличиям, кому сказано, учись, Паша, сохранять дистанцию.

Старик, напротив, не сдерживал своего внутреннего романтика, присел рядышком с гостьей с того берега, задумчиво уставился на божественные икры и щиколотки, дал волю чувствам.

– Как же сердце чешется. Медуза Семеновна, Ундина Васильевна, Наяда Федоровна! Как зовут тебя? Нет-нет, не говори. Я знаю, кто ты. Вернулась! Маша – ты вернулась! Волосы – такие же, как у моей жены, когда ей не было и двадцати лет, такие мягкие, что хотелось их гладить целую ночь. Мы часто купались в нашем деревенском море. Когда волосы были мокрые и падали, как сейчас твои, на зеленые глаз-

ки, то ничего, кроме Маши, на свете не существовало. Увидел бы ее Сережа Есенин или Саша Пушкин, так бы и захлебнулся стихами...

Аудитория зашевелилась, дядя Виталя пронзительно закричал (горло болело, не мог как следует рассмеяться).

– Все вы дураки, – не оглядываясь на нас, пел старик. – Если такая девушка приплыла сюда, значит, отменяется рыбалка, отменяется старость. Я – сердцеед. Звание, каким должен гордиться каждый настоящий мужчина.

– Страстный рыбак, – улыбнулась девица, пожала грубую сучковатую руку, тот в ответ простодушно чмокнул ее ладонь.

– Задыхаюсь от радостных чувств. Приказывай, исполню все, что пожелаешь!

– Кажется, погрелась. Теперь пора. Пылкий рыбак, проводите меня.

Как полагается пылкому воздыхателю, он сопровождал ее до тех пор, пока вода не поднялась выше колен...

– Сегодня я удачно порыбачил, – тихо сказал старик, кутаясь в плащ-палатку, где только что сидела Она.

Представление закончилось. Я, отец, дядя Виталя смотали удочки. Старик решил посидеть еще часок, снял хлюпающие сапоги, мокрые штаны и свитер повесил на ветви дерева.

14 августа

С утра яростно рылся в завалах домашней библиотеки, затем в своей любимой кладовой, где хранятся старые журналы и облезлые книжки, родители давно хотели их выкинуть, но я отстоял своих бумажных друзей... Нашел, нашел то, что искал! – Письма Плиния Младшего. Вчера, когда наблюдал за купанием девушки, в голову лезли образы из почти забытого произведения, прочитанного наобум в детстве. Книга №9, письмо №33 снова открыли удивительную историю о дружбе мальчика с дельфином. Люблю древних авторов, особенно римских – Катутла, Апулея, Гая Юлия, Плутарха, Лукиана, Криспа, Сенеку, Петрония... Письмо №33, написанное Плинием как бы от нечего делать, является для меня квинтэссенцией прекрасного – это один из лучших кусочков в мозаике нашего мира.

«Плиний Канинию привет. Я наткнулся на правдивую тему, но очень похожую на выдумку... Есть в Африке, у самого моря, колония Гиппон. Тут же лежит судоходная лагуна... Люди всех возрастов увлекаются здесь рыбной ловлей, катаньем, а также плаванием – особенно мальчики, которых к этому побуждают досуг и любовь к забавам. У них считается славой и доблестью уйти в море возможно дальше; победителем оказывается тот, кто дальше всех оставил позади себя и берег, и тех, кто плыл вместе с ним. Во время та-

кого состязания один мальчик дерзновеннее других устремлялся вдаль. Встречается дельфин: он то плывет перед мальчиком, то следует за ним, то кружится около него и, наконец, подставляет ему свою спину, сбрасывает в море, снова подставляет и сначала уносит перепуганного в открытое море, а затем поворачивает к берегу и привозит на землю, к сверстникам. Слух об этом ползет по колонии: все сбегаются; на самого мальчика смотрят как на чудо, спрашивают, слушают, рассказывают. На следующий день весь берег усеян людьми; все смотрят на море и туда, где кажется, что есть море. Мальчики плавают, и среди них и тот, но уже с большей осторожностью. Дельфин опять появляется в свое время и опять плывет к мальчику. Тот бежит вместе с остальными. Дельфин словно приглашает его, зовет обратно, прыгает, ныряет, описывает разные круги. То же происходит и на второй день, и на третий, в течение многих дней, пока люди, вскормленные морем, не начали стыдиться своего страха. Стоит заметить, что они подходят, заигрывают с дельфином, зовут его, даже трогают и ощупывают, и он не противится. После этого знакомства смелость возрастает, особенно у мальчика, который познакомился с ним первым. Стоит заметить, что он подплывает к плывущему дельфину, прыгает ему на спину, носится взад и вперед, думает, что дельфин знает его и любит, и сам любит его; ни тот ни другой не боится, ни тот ни другой не внушает страха; растет доверие одного, прирученность другого. Другие мальчики сопро-

вождают их с обеих сторон, ободряют, дают советы. С ними вместе плыл (это также удивительно) другой дельфин, который держался только как зритель и спутник, – ничего, подобного тому, что делал первый, он не делал и не позволял себя трогать, но приводил и уводил первого дельфина, как того мальчика остальные мальчики. Невероятно, но так же истинно, как и все предыдущее, то, что дельфин, возивший на себе мальчиков и игравший с ними, имел также обыкновение вылезать на землю и, высохнув на песке, когда становилось слишком жарко, возвращаться в море...»

25 августа

Мы живем в квартире на четвертом этаже. Группы миролюбивых наркоманов регулярно зимой собираются в подъезде, летом их сюда загоняет дождливая погода. Запрещенные вещества употребляют на подоконнике, прямо напротив нашей двери. Сегодня они снова организовали кружок, чувствовали себя как дома, знали, что никто из жителей не пикнет, не посмеет пожаловаться полиции.

Я поднялся с дивана, прокрался по коридору, присел у входной двери, так чтобы замочная скважина дала слуху больше пищи. Люблю подслушивать и подсматривать, это вполне невинное занятие, особенно когда тебе скучно, а объект наблюдения ведет себя вызывающе, даже демонстративно, показывая нравоучительную миниатюру, как не стоит вести себя культурному человеку. Акустика в подъезде первоклассная, театральная, только в том случае, если окна открыты, если закрыты – свое слово вставляет эхо. Наркоманы редко когда утомляли меня долгими разговорами. Предвкушая минуты приятного забвения, обменивались шуточками; посвящали отрывистые реплики инструментам и запрещенным вещам, разложенным тут же на подоконнике. К сожалению, замочная скважина плохо устроена для полного обзора происходящего процесса. Другое дело, когда кто-то сядет на корточки...

На этот раз, судя по числу ног, к нам поднялась троица. Короткий анекдот, короткий смех. Наступила ожидаемая пауза – закатывали рукава. У кого выше запястий не осталось живого места, поднимали штанины. Если и ноги сгнили, расстегивали пояс, обнажались, с помощью приятелей искали в районе таза уголок с нетронутой веной. Звук инъекции – гробовая тишина. Троица разбавила свою кровь. Открыли форточку, кинули использованные шприцы на подъездный козырек. В ожидание кайфолета (ужасное слово). Связь с телом утрачивается. Тот дух подъезда, что с хриплым голосом, первым завел послеинъекционную беседу. В горле, наверное, першило, пришлось раззадорить восклицательными знаками:

– Я был!!! Я был се-го-дня!!! В продуктовом магазине!!! Да, в продуктовом! Представляете, был! Там мне продали! Продали буханку хлеба!!!

– Мне с тобой только о хлебе говорить! – возмутился дух с важным голосом. – Яник тебе должен пять тысяч. Лучше скажи, когда он тебе их отдаст?

– Я тебе и говорю, купил хлеб в магазине, мне навстречу Ксения – жена Яника. Спрашиваю: где муж, куда пропал? Она психует: «Не знаю где, вторую неделю ищем. В полицию отдали его детскую фотографию, другой нет».

– В морге пусть пороется, в морозильных камерах тесно от нашего брата, – посоветовал веселый голос третьего духа.

– Уже посетила. Спасибо передозировке, выбор покойни-

ков был действительно большой, но без участия Яника.

– Тогда пусть Ксения отдаст тебе пять тысяч, – предложил Важный. – Неплохая идея! Напомни ей о народной мудрости, что долг платежом красен, а долг мужа тем более. – Он внезапно присел на корточки, я увидел молодого мужчину, внешность которого, в отличие от голоса, никак не назовешь солидной: щупленький, склизкий, безносый, безбровый, безгубый; подвижные, брезгливые, мелкие глазки. Держал пустой стеклянный флакон, любовался этикеткой.

– Она без денег, нет денег... – как-то неуверенно сказал Хриплый.

– Не верь, друг, жене наркомана. Никогда не верь, обманет, – вставил Веселый. – Моя жена тому наглядный пример, лживая, подлая тварь...

– Ксения не слишком страшная, так что вранье можно простить. Ха-ха-ха, комплимент, – засмеялся своей шутке Хриплый.

– Надо как-то с нее взыскать задолженность, – не унимался Важный, с недоверием приглядываясь к замочной скважине напротив. – Не знаю, что с Яником, в какой именно канаве спрятали его труп – нам, уверен, никогда этого не узнать. По юридическим законам – жена должна рассчитаться с долгами, как наследница покойного или без вести пропавшего мужа. Никто ее не заставлял выходить замуж за Яника! Еще раз сходи к вдове и разъясни эти тонкости.

– Как, чем она рассчитается? – недоумевал Хриплый. –

Ксения за всю свою жизнь и дня не работала – сама призналась. Я ей верю, потому что не имеет рук, так есть лапки насекомого, почти как у меня – тоже не помню, когда работал... У них пустая квартира, ободранные стены, обстановка хуже, чем в тюремной камере, – был в гостях полгода назад... Да и Яника пока не стоит хоронить...

– Пусть тогда продаст квартиру или лучше – предоставит нам удобную комнату, – нашел выход Веселый, – чтобы мы там могли посидеть и расслабиться по-человечески. Надоело в подъезде нюхать свои и чужие ссаки.

– Сходи к ней и потребууй! – рявкнул Важный.

– Комнату?

– Сначала деньги.

– Посмотрим... торчать... в пах...

Слова становились короче, многоточия длиннее.

30 августа

Нас вновь посетили товарищи Яника. Оставив в покое книжку, я приготовился к прослушиванию, чем они на этот раз порадуют... Эхо голосов было слабее, чем в прошлый визит. Хриплый отсутствовал, но его имя фигурировало в каждой фразе. Языки Важного и Веселого сильно заплетались – участвовали в похоронах, хорошо посидели на поминках, из ресторана ушли не с пустыми руками. О наркотиках не вспоминали, поставили на подоконник бутылку водки, на фоне годами не мытого подъездного окна она казалась сверхъестественным предметом, лампой Аладдина, я бы сказал – оглушительно сияла. Закусывали очень дорогими конфетами. Праздничный треск фантиков мешал моему удовольствию, часть слов долетала до уха в искаженном состоянии, но смысл разговора был ясен: Хриплый – по паспорту Валера – погиб. Важный, всхлипывая, произнес краткую прощальную речь, она свелась к тому, что не стоит рисковать жизнью ради взыскания денежного долга, пусть и крупного, все равно не стоит.

– Я говорил ему, предупреждал: Ксюша дура, не лезь к ней, Яник может воскреснуть, неожиданно объявиться, он слепнет от ревности, хватается за ножи по самому невинному поводу, – сокрушался Важный. – Но Валера все равно за свое. Бодро шел навстречу смерти. Явился к ним домой,

спросил о долге в пять тысяч: срок расплаты настал. Ксюша снова за старое, что не знает ни о каком долге, прибеднялась, сама якобы побирается, на еду не хватает денег, в желудке пустыня. Заранее мною проинструктированный, Валера намекнул ей на ценные вещи, может, есть неоцарапанный бытовой электроприбор, шуба из натурального меха, спрятанные под ванну серебряные ложки, старинные механические часы с кукушкой. Если найдутся, возьмет взаимозачетом. Ксюша мотала головой: ничего нет, а если найдешь, все равно не отдам. Он так и поступил, выполняя второй пункт моей инструкции, принялся рыскать по квартире. Заглянул в популярные места: в мусорный бачок, за ним – в смывной бачок. На кухне из ценного только стены, для приема пищи использовался низкий теннисный столик, особого интереса для нас не представлял. Под ванной шарил, гитару нащупал. Взял аккорд. Не гитара, а руина, давно отыграла свое. Внезапно он нашел то, что не искал...

По словам Важного, покойный приятель увидел живого французского бульдога, мальчика белой масти. Настоящий красавец. К ошейнику прикреплена латунная табличка с труднопроизносимой кличкой – Дешеш Мод, тут же указан телефон – 5-58-33. Яник специализировался на отлове породистых собак. Регулярно просматривал в газетах рубрику «Розыск». Если объявление отсутствовало, значит, пса не особо и ждут дома. Оставалось только позвонить по номеру телефона, выгравированному на ошейнике. Чаще всего

номер отсутствовал. На разрешение вопроса, как быть дальше с животным, отводилась одна неделя. Его силы поддерживали чем-то съедобным, что иногда лежало на полях теннисного столика, – могло свободно передвигаться по комнатам, выть, справлять нужду, где приспичит. В исключительных случаях пленение могло продлиться еще на неделю. Когда время истекало, а результатов никаких, жизнь невосребованного пуделя или кокер-спаниеля обрывалась в известном среди гурманов заведении общественного питания, неофициально именуемом «собачкой».

– Валера догадался, как добыть денег, – продолжил Важный. – Говорит: Ксюша, дай сама объявление «Нашелся бульдог», помогу составить. Продашь и расплатишься со мной. Стерва отказалась: без Яника ничего делать не буду.

– Заладила: Яник, Яник, – возмутился Веселый. – Значит, она понравилась Валере, искал повод остаться на ночь. Сколько ей лет?

– Тридцать. Пропитая, голова немного дрожит, щеки опухшие, но зубы целые, острее, чем у пса. Особые приметы – ни капли жира, рост без каблучков – метр восемьдесят. Ты заметил, что все алкоголички стройные и подтянутые. Ксения – тоже.

– Значит – это взаимное. Сама чувствовала новый вариант, заигрывала, – вслух размышлял Веселый. – Может, муж все-таки бесследно пропал, может, сама убила – надо бы сделать запасы на будущее.

– Особенно если новый вариант при деньгах. – Важный заскрежетал от ненависти кулаками. – Валера, конечно, конченная мразь, не зря его зарезали. Получил по заслугам! Он, выясняется, имел сбережения в кармане, от нас скрывал. А Ксюше – показал! Все деньги высыпал на столик: на, смотри, красавица, какой я богатый. Валера любит ублажать женщин, которые хоть сейчас готовы к сексу, сбегал за водкой, еще купил газету и съедобный подарок бульдогу. Ксения радуется близкому знакомству с дружкой мужа. Уселись, как на собственной свадьбе, откупорили бутылку. Пир в разгаре. Находят нужное объявление: «Потерялись два близнеца Алэн Делон и Дешеш Мод. Семья страдает. Дети плачут. Высокое вознаграждение». Выходит, другой бульдог где-то до сих пор бегаёт по улицам... Молодожены забавы ради крикнули: Алэн Делон! Бульдог немедленно отреагировал, насторожился, зашевелил ушными раковинами. Про это знакомство с собакой Валера потом в больнице матери рассказал, немного странно было слышать на похоронах ее вопли: «Сынка погиб из-за паршивого француза!» Помянем недостойного друга, жадина-говядина.

Я предельно отчетливо слышал, как откручивается и закручивает винтовая крышечка на бутылочном горлышке. Казалось, что кто-то стонет от сильной боли. Подъездное эхо любит сгущать краски. В стаканах начался шторм. Фантики, освобождаясь от начинки, изрыгали раскаты майской грозы. Стремительный глоток. И – уф-ф-ф!!! – точно выпили рас-

плавленного свинца. Важный, продув легкие тяжелым выдохом, отметил:

– Валеру обрадовал размер вознаграждения, бульдогова хозяйка готова отдать только за одного пса целых двадцать тысяч.

– Ого, отлично живут кинологи! – взорвался от негодования Веселый. – Это в сотню раз выше, чем размер пенсии моей пожилой матери. Двадцать тысяч! За меня и половины этой суммы не предложат, если пропаду без вести.

– Слушай дальше. Валера предлагает собутыльнице такой вариант: отдавай мне бульдога и типа в расчете, долг Яника погашен. Ксюша перечитала объявление, уперлась: не отдам, мужа собака – приказал беречь, может, до сих пор гоняется за Алэн Делоном. Приведет его, тогда и отдадим сразу парочку.

– Значит, Валера не трахнул Ксюшу? – удивился Веселый.

– Выходит, нет, если отказала в собаке. Наш покойник озвучил другой вариант: вместе отправиться к хозяйке бульдога. Он возьмет законные пять тысяч, Ксения – остальные. Нормально же. Но Ксюша не соглашалась. Валера ругался, не отступал. Ксюха уже нажралась, кричала: не отдам четвероногого кобеля, лучше убью его сама. И точно, схватила со стола нож, бегала за двадцатью тысячами, как тореадор за белым бычком. Пыталась ударить в шею. Промахивалась. В таком расшатанном состоянии только крупные цели можно резать, например, человека. Валера смотрел за бегом-

ней, хохотал, хлопал в ладоши. Вот так зрелище! Потом позвал: Деша, здесь спасение, ко мне, красавчик! Француз подскочил к нему, спрятался под ногами. Эта дура штурмует, раздвигает Валерины ноги. Он не дал ей ходу, пинал руку с ножом. Ксюша с ума сошла от обиды: как так, в собственной квартире не дают прикончить грязное животное! Валера ей намекает о внешних данных: твоя наружность страшнее французской задницы. Получи!.. Ксюша – разрезала живот. Мясо наружу. Когда опомнилась, перескочила через поверженное тело и вон из квартиры.

– Значит, обошлось без секса. Тогда зачем ее опаивал, зачем деньги тратил? – Веселый не понял смысла всей истории с Ксенией и собакой.

Из заключительных слов Важного я понял, что Валера умирал ровно два дня. У него хватило сил выйти из квартиры, оставил дверь открытой, сел на лавочку перед подъездом, пытался пальцами заткнуть дыру в животе.

Я мысленно умолял Важного дойти до детского, жизнерадостного финала: освобожденный бульдог бежит навстречу своей счастливой хозяйке. Подобный финал разве не лучшая посмертная награда для Хриплого? Но рассказчик резко сменил тему, мечты о пяти тысячах окончательно разбиты, как бы теперь добыть денег для следующей героиновой вечеринки. Принялся громко высчитывать день, когда престарелая мать Веселого получит свою мизерную пенсию.

2 сентября

Ровно год и еще парочка месяцев – столько прошло времени после моего прощания с ненавистной средней школой №23. Ровно год и парочка месяцев – не учился и не работал, обнимался по ночам с книгами, днем спал, вечером немного размышлял о своих перспективах в этом скучном мире. Затянувшийся отдых вызвал сильное раздражение у родителей: в семье растет профессиональный бездельник. Тем не менее я хотел дать себе еще один год на размышления. Но угроза репрессий и ежедневные монологи о карьерном росте, о потерянной молодости привели к единственно правильному решению – я покорился, дал слово взяться за ум. Дальше сработали связи мамы – вынудила устроиться на тот самый РМЗ (ремонтно-механический завод) на улице Мичурина, куда в качестве последнего шанса на исправление отправляют всех городских подонков и разгильдяев. Должность обещали невысокую.

Рано утром сел на трамвай, маршрут №4. Остановка Прокатная – в гуще сонных мужчин и женщин просочился через решетчатые ворота. Первое впечатление от РМЗ – едкий запах технического масла и раскаленного металла. Нашел «нужного человека», передал большой привет от мамы. Тайные связи пустились в пляс: мы направились в токарный цех. Неприятное местечко. Кругом ходили какие-то люди с враж-

дебными гримасами на лицах. Внутренности цеха скакали, вибрировали – волосами чувствовал, как наэлектризовывалось окружающее пространство. Стены поминутно с треском сбрасывали накопившееся напряжение, высокие окна тут же отзывались, вниз на наши головы сыпались звонкие ритмы. Я с удивлением прислушивался, остальные, кто давно вышел из статуса новичка, не замечали однообразной, как сердцебиение, производственной мелодии. С «нужным человеком» остановились перед двухэтажным карусельным станком – тяжеловесом в мире машин; салатово-голубой корпус составлен из нагромождения прямоугольных объемов, на нижнем уровне из туловища выдавалась дискообразная подвижная часть; ручки, переключатели – в серебре, кнопки пульта управления – черные, только центральная – красная. Здоровяк благодушно гудел, вальяжно вращался, ошкуривая массивную заготовку. За станком внимательно наблюдали закрытые глаза Рафа Назмутдинова, седой дядя – лет за пятьдесят, выпрямился по стойке смирно, не шелохнется, физиономические мускулы заморожены. Человек-бюст, погребальная маска, скульптура столпника. Я был коротко представлен, если говорить точнее, навязан в качестве помощника. Спасибо маме, спасибо связям!

Не поднимая век, Раф довольно тускло отреагировал, вроде согласился взять на себя хлопотную обязанность наставника – показал на голый пол, прямо перед собой – это и есть мое рабочее место. В обязанности входили такие несъедоб-

ные малоприятные вещи, как уборка металлической стружки, переноска тяжестей, выполнение других самых простых поручений, между делом – обучение токарному искусству. И все на полном серьезе! Уборка стружки, борьба с неподъемными штуками! Какие грубые, примитивные обязанности! Что же впереди? Представим итог моей жизни: полвека выслушивал скрежет завода; восемь часов в день, с перерывом на обед, боготворил привычки Рафа; умножал железные занозы на кончиках пальцев. Неужели так все и случится? Конец света наступил без согласования со мной! Еще вчера взял ворох книг в центральной библиотеке, как следует не успел вступить в диалог с главными персонажами, только полистал, выхватил несколько сладких цитат.

Новый начальник поспешил меня обрадовать: перед тем как приступить к своим прямым обязанностям, необходимо переодеться в спецкостюм; пошивочная и хранилище одежды располагаются в желто-кирпичном корпусе – от РМЗ находятся на расстоянии пушечного выстрела. «Следует бежать под благовидным предлогом и больше сюда не возвращаться. Надо посвятить себя чему-то более выдающемуся, чем уборка стружки», – подбадривал я себя, направляясь к центральным воротам. Не успел переступить границу, за которой находился свободный мир, как вдруг столкнулся с двумя парнями – остановили крепкими, продолжительными рукопожатиями.

– Игорь, – представился первый, отпускать мою кисть он

отказывался, аккуратно мял в уютном кулачке. Черт возьми, приятный массаж! Сам Игорь – хилый, высокий, живот отсутствует (у меня тоже), сутулится, но слегка, как цветок. Что там дальше из внешних данных? – лебединая шея, темно-русый, по лицу кралась хитроумная улыбочка; голубые глаза – бесстыжие, губы – кокетливые. Манеры для заводского рабочего слишком изящные, зубы тоже слишком белые. Рот – сладкоречивый, даже когда произносит гадости. Следом мою кисть небрежно принял Сергей, едва удерживал за кончики пальцев, тем самым показывая, кто здесь самый главный. Взгляд суровый, уничтожающий. Как и полагается лидеру, он был чуть ниже Игоря – бычковатый, с накупившейся чугунной физиономией. Чужаками, видимо, не страдал, но убеждения, пусть и в скромном размере, присутствовали. Несмотря на теплую погоду – носил черную спортивную шапочку, надвинул по самые брови, чем подчеркивал свою выдержку, сильный, прямой характер. Думаю, он и в постели не снимает шапочку, боится разрушить долго создаваемый образ. Неодушевленные предметы все-таки имеют великую силу над людьми – не обязательно ограниченными, – придают им чувство превосходства, компенсируют частички утраченного полноценного «я». Ну а я, в свою очередь, почувствовал угрозу. Сергей имел нюх на щуплых, наивных, лишенных практичности слабаков (перечень моих достоинств, по мнению мамы), давить таких ботинком с толстым каблуком – непередаваемое удовольствие. Скупая

мика на его одухотворенном лице пришла в движение. Игорь, прочитав немой приказ, ласково ко мне обратился:

– А мы уже знаем твои личные данные, отдел кадров отчитался: Пашенька Жигульский – заместитель Рафа. Поздравляем тебя, Паша, не каждому смертному дается возможность попасть на РМЗ. Паша, как дела, Раф тебя не обижает?

Я успокоил: не обижает, за пять минут знакомства это трудновыполнимая задача.

– Выходит, пять минут не прошло, а уже подружились. Молодцы, – обрадовался Игорь. – Граф, если заметил, не из болтливых, с неохотой делится своими знаниями. В этом и состоит его метод обучения, тебе до всего придется самому доходить методом проб и ошибок.

– Сквозной раной обернется твоя первая ошибка, – уточнил Сергей.

– Через неделю ты от него сбежишь, – предсказывал Игорь. – Для тех, кто связался с Рафом, – это большой испытательный срок, многие и трех дней не выдержали. Теперь давай поговорим о действительно приятных вещах. Как твои впечатления от нашего завода? Правда, дух захватывает!

– Ничего особенного, дома лучше, гораздо лучше, – ответил я, затем продолжил решительным тоном: – Не хочу ждать целую неделю, если и бежать с вашего завода, то сейчас же. Вы меня некстати задержали, а так бы давно был на полдороге к дому.

Игорь рассмеялся, наверное, полагая, что это только шут-

ка. Сергей плюнул на землю и зажмурился от удовольствия, потом оскорбительным тоном посоветовал мне постричься: с такими длинными, светлыми волосами не принято работать на станках – опасно, «оторвет башку», испачкаю территорию цеха кровавым месивом. И вообще, если не оторвет, то все равно длинноволосые блондины своим присутствием разрушают сплоченный мужской коллектив: «так и хочется плюнуть в рожу педику...» Я уж и не знал, что ответить, смущенный замечанием, принялся прихорашиваться, уложил кончики растрепанных локонов за уши. Сергей повторно, более густо сплюнул, готовился к серьезному разговору, повышал свой авторитет. Драматическая пауза, и – резко достает из кармана три талона в столовую – один фиолетовый, остальные красные, – молча уставился на Игоря, тот понял приказ:

– Дружок, не спеши совершать побег, тут тебя никто не держит, не будут стрелять в спину. Потерпи полдня. Перед решающим стартом надо подкрепить свои силы. Пообедай на прощание в нашей столовой. Хочешь покушать почти задаром? Если хочешь – а ты должен хотеть, – поспеши приобрести талоны, с ними гораздо дешевле, чем за наличный расчет. Без обмана – талоны не фальшивые. Красные – выдают обычным работягам, порции очень питательные: горячая кашка, холодные пирожки, пятьдесят грамм халвы, вкусные сухари, йеменский кофе с сахарозаменителем. Фиолетовый – директорский – на триста шесть пять голодных же-

лудков хватит, то есть можно целый год жировать, бери что душа пожелает, ешь с аппетитом хоть стены столовой, хоть паштет из табуретки...

– Кого-то из нас в детстве очень часто обзывали Паштетом, – смеялся Сергей.

– Ну что, Паша, хочешь почувствовать себя директором? – заговаривался Игорь. – Это непростой талон, это пропуск в клуб уважаемых, солидных людей.

– Хватит его уговаривать, – рассердился Сергей. – Слушай меня, нам нужны деньги, дай двадцатку и забирай талоны. Делай с ними все что захочешь.

Если честно, я не хотел посещать столовую, собирался в течение дня полечиться голоданием. Всегда стеснялся есть (ненавижу ресторанное слово «кушать», оно равноценно мерзкому буржуазному «насыщаться») в обществе большого количества незнакомых людей; не выносил одновременного чавканья тысячи ртов, похрюкиваний, урчаний, похлопываний по животу, особенно нестерпимы – протяжные звуки глубоких глотков. Я выложил двадцатку, ради укрепления дружеских связей, пусть они даже продлятся полдня, ровно до обеденного перерыва. Намерение совершить побег оставалось в силе. Сергей обрадовался легкой добыче, торжественно похлопал Игоря по плечу. Я тоже искренне радовался, готов был отдать все свои деньги. Хотелось присоединиться к новоявленным приятелям, но от меня быстро отделились.

В таком случае – вперед за спецкостюмом! Промышленная зона находится в тридесятом круге ада, не поддается вмняемому описанию. Загадочные тоннели заглатывали меня, закоулки всасывали, арки выплевывали, тупики давились и гнали обратно. Кишки запасных входов и выходов переплелись, образовали сложные узорчатые узлы, так что ничего необычного в том, если я шел куда-то глубоко под землю, а оказывался на плоской крыше технического сооружения. Заметив пришельца, промзоновские птицы поднимали клубы столетнего праха и падали вверх. Склады, мини-цеха – их здесь больше, чем звезд на небе. Иногда попадались очаровательные башенки, похожи на перевернутые вазы: окна заделаны красным кирпичом, дверные проемы отсутствуют, редкие щели замазаны бархатной плесенью. Робкое дыхание прорывается сквозь мощные стены. Прекрасная дева в заточении. Как она там внутри? Горит ли лампа? Ткет ли гобелены, ждет ли еще своего милого принца?

Некоторые сооружения построены по типу сумасшедшего конуса, небрежно воткнуты в землю, дрожат осенним листом; на тонкие грани давят тени заводских труб – вот-вот произойдет обрушение. Тут и там пищали вертлявые механизмы, задирали хоботы, с любопытством поглядывали по сторонам; другие – укрощенные гиганты, связанные сварными швами, они дружно мычали, перемалывая внутри себя особо прочную субстанцию. Заборы, заборы – идут в наступление, двух-трех-шестиметровые. К ним прижались подза-

борники – свежие моторы, околевшие машины, фундаменты сгнивших зданий, собачьи будки, шлагбаумы, охранники, медные колеса, горки шлака.

По дороге попадались отдельные представители рабочего класса, безмятежно шагали, выпуская из ноздрей клубы табачного дыма. О-о-о! – мы с первого взгляда понимали друг друга – тоже убивают время, спешить некуда. Чаще всего встречал юных токсикоманов (они же – чухаморы), нет черней существ на нашей планете, горстями лезли из проломов в автомобильных боксах, двигались перебежками туда, где можно надежно укрыться от солнца и уснуть на бетонном матрасе.

После подобных декораций заката человечества желто-кирпичный корпус показался объектом этого мира, а не того. Разбушевавшееся воображение резко остыло, когда очутился в полутемном помещении. Заведующая хранилищем спецодежды взглядом определила мой рост, пропорции тела, размер затылка, толщину шеи – с учетом их износа помножила на два-три следующих года. Вычислив на калькуляторе оптимальный фасон, смело отправилась в запасники. Минута истины настала, скоро она вернется.

– Не стоит дожидаться, сейчас принесет тюремную робу, – пробудился внутренний голос. – Ухватись за последний шанс. Давай, беги на волю!

Я машинально достал талоны, в этих трех листочках скрыт смысл жизни и смерти. Порвать?

– Рви-и-и и беги-и-и!.. – вопил внутренний голос.

Заведующая разложила на широком прилавке уродливые темно-синие штаны и верхнее дополнение с узкими рукавами; поставила надежные, железно-каменные ботинки – сильно напоминали бычий профиль Сергея. К наряду прилагалась белая каска и желтая фуфайка. С тяжелым сердцем, словно на договоре с дьяволом, я расписался под списком выданных вещей.

Ноша оказалась крайне неудобной, мучила на обратном пути. Окружающая местность больше не предлагала занимательных сюжетов. Сложные пространства, объекты без верха и низа исчезли. На обочинах дорог наблюдал только скопление приземистых строений и градостроительных ошибок. Думаю, в ближайшем будущем я раскрою романтический потенциал промзоны. Выходит, побег отменяется, все отлично, здравствуй, унылый Раф?

– Нет, нет, еще не поздно бросить тяжелую сумку и отправиться в дальнее плавание, – обреченно лепетал внутренний голос. – Паша, там, впереди, необъятное море Свободы!..

Я равнодушно кивнул в знак согласия, неплохая идея. И только сейчас понял, что меня действительно волнует: почему фуфайка желтая? Слишком вызывающе смотрится, чем не костюм клоуна или актрисы из детского спектакля. Не видел рабочих, одетых в униженный желтый цвет. Может, заведующая таким образом пошутила, вместе с талией измерила мою эмоциональную составляющую, нарисова-

ла психологический портрет, мало чем отличимый от картинки с тропическим попугаем. Неужели я настолько смешон?..

Территория РМЗ. Остановился перед приземистым домиком. Чистый, белый фасад. Первый этаж полуслепой, окошки маленькие; второй – полностью остеклен, создается ощущение, что крыша опирается только на оконные рамы. Прямо на входную дверь прибита вывеска – «Столовая №3». – Приветствую тебя, цех по производству вкусной и полезной еды! – ни с того ни с сего выпалил я, резко развернулся и кинулся в ближайшие кусты. Обед еще не скоро, как бы кто не заметил. Расположился на крышке теплотрассы. Тепло, уютно. Щеки ласкает желто-зеленая листва, звуки улицы приглушены. Кроны деревьев очень высокие, я наслаждался уединенностью на дне воздушного колодца. Чудеса не заставили себя долго ждать. Прежде всего меня заинтересовало любопытное небесное явление: сверкали голые пятки, струилась белоснежная туника; дева с греческим профилем окуналась в облака и тренькала на золотой лире, ласково поглядывала вниз, искала, кому из земных существ сыграть мелодию вдохновения.

– О, дорогая муза, и ты тоже решила посетить прозаическую промзону, – пытался я обратить на себя внимание. – Давай вместе отдохнем, присаживайся на краешек теплотрассы.

Видение откликнулось, заглянуло ко мне в гости. Смут-

ные фантазии овеществляются, оформляются. Стихотворная строчка упрямится, не идет четкой лесенкой, с первой рифмой обрывается и вдребезги... Пытаюсь заново, может, сейчас Володя Маяковский встретится с Артюром Рембо и появится нечто масштабное, сверхрадикальное. Вышли безобразные: «Солнце светит над столовой, цех идет попить воды фруктовой...» Небесное видение меня сегодня обмануло или обиделось – неправильно встретил: где романтическая обстановка, где лакированный стол, гусиное перо и свечи! Все-таки великую поэму сидя на корточках не напишешь.

На часах – без пяти, без трех, без одной. Обед.

Взвалив на спину сумку, выпорхнул из своего укрытия, с намерением «случайно» попасться на глаза Рафу и вызвать ухмылку одобрения: молодой человек старается, спешит трудиться. К моему глубокому разочарованию, на дорожке, ведущей в столовую, – никого. Неужели все настолько увлечены своими станками? С опаской заглянул в цех. Тишина исключительная, пещерная. Машины остановились, рабочие исчезли – кроме человека, чье фото висело на доске почета: «Лучший токарь августа – Александр Яковлев». Он сидел на тележке для перевозки тяжелых грузов, держал в левой руке банку с макаронами по-флотски, ловил вилкой спрессованные кусочки. Жевал просто, без всякого удовольствия, как порядочный человек. Вот так и надо – правильно жует! Убежден, есть ради одного наслаждения – спо-

собны только отморозки, итальянцы и французы. Наблюдая за тем, что творится в нашем мире, хочется с пафосом ругаться, примерно так: вы, гурманы, вы, любители изысканной кухни и столетних вин, вы – хуже нацистов, хуже живоде-ров. Пока существует голод – наслаждение гастрономическими чудесами надо приравнять к тяжкому преступлению. Позор вам, сожрите лучше друг друга, тогда в мире точно исчезнет голод!

Однако куда пропали остальные рабочие? Спросить Яковлева не осмеливался, грех мешать лучшему токарю августа. Бросил спецкостюм у основания карусельного станка. Отправился в зону отдыха – овальную площадку на задворках завода. Меня встретили блуждающие тени, захиревший газон, старые скамейки в стиле ампир. Посетителей не обнаружил. Заглянул в урну – думал, найду знакомые следы от плевков, сигаретный дымок, изжеванный пирожок. Ничего из перечисленного. Здесь тоже стояла доска почета. Надеялся найти фото Сергея или его верного пинчера. Ни того ни другого, зато в январе лучшим работником оказался человек с внешностью Сократа, февраль остался за Дон Кихотом, был там и Конфуций в квадратных очках. Мне помешали найти других двойников исторических личностей, совсем рядом звонко пикнула невидимая райская птичка, ей на чисто русском языке ответила подружка: «Пневмокомната». Да, да, птичка прощебетала – пневмокомната! Обе – дружно рассмеялись. Зашуршали платья, бег легких ножек

или, может, это совсем не ножки, может, захлопали крыльями?.. Я всего лишь переутомился, не стоит искать объяснение тому, что здесь происходит.

Развалившись на скамейке, дожидался конца первого в своей жизни обеденного перерыва. Циферблат наручных часов развлекал движением трех стрелок: секундная – гналась за временем, минутная – кралась, часовая – умерла. Настал миг – когда они сошлись. Пора.

Собираясь непонятно кого застать врасплох, врываюсь в цех... Ха-ха, пусто!!! Яковлев не в счет. Покончив с вермишелью по-флотски, управлял станком, сосредоточенно смотрел за тем, как резец вышивает кружева на заготовке. Где все? Это – сон? Да – враждебный, неудобный, следует только подождать, кошмар обязательно прервется, и я окажусь на своем любимом домашнем диване. Надо проверить свои подозрения. Для чистоты эксперимента важны подробности. Мелкие детали не появляются дважды в одном и том же сновидении, они либо пропадают, либо не поддаются логическому объяснению – стреляют виском в пистолет. Выхожу из цеха – и тут же молниеносно возвращаюсь! Строго осматриваю тыл карусельного станка, спецодежда должна исчезнуть. Ну же, давай, исчезай! Блин! Да, самообман. Признаю, приятные диванные абстракции давно вытеснили из моего сознания ощущение подлинности происходящего – машинально дополняю, приукрашиваю банальные ландшафты, облагораживаю наглые рожи. Потому-то разочарование стало моим

постоянным спутником. Новая реальность в образе завода совершенно сбила с толку. Не хочу РМЗ – ненавижу и во сне, и наяву!

Если не порвал талоны, придется посетить столовую. Обедаться не собирался, постараюсь как можно дольше посидеть за чашкой йеменского кофе, совершу злонамеренное опоздание. Раф от возмущения прозреет, поднимет веки и выкинет за пределы завода. Ха-ха, пусть обязательно даст пинка под зад. Увольнение должно эффектно выглядеть!

Столовая №3. Зал полон, свободных мест нет, хотя обеденный перерыв, если мои часы не ошибаются, закончился полчаса назад. Посетители ведут жестокий бой с пустыми желудками. Женские и мужские пасти жуют, не устают. Электричество варит, газ жарит. Кости трещат, плоть подгорает. Взмах ножа – и котлета напополам! Самые крупные куски мяса, согласно пояснению в меню, еще вчера резвились на зеленой полянке. Корова – это пицца? Художники ее рисуют с улыбкой на устах, доброй красавицей, мудрой подругой шаловливой девочки, в кино – поет песни из цыганского романса: как люблю я вас, очи черные и прекрасные. После портретов и умиления настает черед скотобоен. Значит – пицца. Теперь корова может уместиться на тарелке – вполне понятные кубики, такие продаются в детском мире, с буквой-закорючкой на каждой стороне.

Пир продолжается. За столиками ложкари ковыряются в первом и втором. Челюсти дробят, разжевывают. О насла-

ждение! Кухонные сентиментальные запахи сводят с ума, под потолком летают души переваренных обедов. Только беременные женщины едят без удовольствия, как перед казнью, и вот почему – напротив стену украшают великолепные фрески: «Сатурн, пожирающий своих детей», «Циклоп Полифем ужинает», «Век-антропофаг». Ха-ха, круговорот смерти в столовой №3, все мы съедобны!

Цилиндрические колонны, – пересекавшие по диагонали зал, – аппетитно лоснились, на вид выглядят вкусней, чем то, что я заметил на кухонной плите. Дух захватывало от 50-литровых кастрюль мудрости, красной краской выведен инвентарный номер и содержимое – «Борщ», «Каша», «Для отходо́в». Под стеклянными витринами расцвели картины апокалипсиса и страшного суда, звучали стоны тушеного картофеля, шипение горячей баранины. На блинах расплылись гротескные профили, – чем не доска почета самых кроваво-жадных тиранов в мировой истории. Быстрее, пока не остыли, залейте эти рожи сметано-медовым раствором!..

Жирные, пыхтящие поварихи черпали ковшами жидкость болотистого цвета и распределяли среди штатных единиц РМЗ. Тарелки полны, тарелки обжигают пальцы, лишь бы не расплескать, лишь бы добраться до своего столика, и можно почувствовать себя победителем. Мне не хотелось участвовать в этом соревновании, рука не притронулась к проклятым талонам, на те деньги, что остались в кармане, из приличия купил пирожное. Подсел к девушке, тщательно сни-

мавшей пенку с кипяченого молока, положила – на язык. За-
жмурилась. От омерзения – предположил я.

За соседним столом расположился Раф, с отсутствующим
видом хлебал суп. А где он вообще присутствует? Чувству-
ет ли настоящее? Кстати, наконец поднял свои свинцовые
веки, страшно все-таки не в то место засунуть горячую лож-
ку. Глаза со сталинским прищуром, смысл взгляда утерян,
неуловим, тем не менее – заметил своего юного помощника,
приветствовал ленивым кивком. Значит, меня в цехе точно
никто не ждет, что очень радует, спасибо непонятному сво-
бодному графику. С другой стороны, неужели они все здесь
обедают по два-три-четыре часа подряд, какое в том удо-
вольствие, сколько нужно директорских талонов, чтобы на-
сытить одну глотку?

Я не успел глубже исследовать вселенную №3 и ее обита-
телей, помешал хлебный огрызок, влетел точно в ухо. Заме-
чательный по меткости бросок! Следующий – «поймала» со-
седка, от изумления выплюнула молоко в стакан.

– Выродки! – заорала она, обернулась, выискивая хлебо-
метателя. Сгорая от стыда, я последовал ее примеру. За са-
мой дальней колонной было слишком шумно и весело.

– Еще раз... возьму стул... вмажу по морде, – пригрозила
соседка, конечно, догадываясь, что стала невинной жертвой
обстрела.

Колонна внезапно успокоилась. Мне хотелось немедлен-
но уйти, но со стороны этот маневр мог показаться трус-

ливым бегством. Пирожное съедено, чтобы хоть чем-то заняться и возвеличить свой образ в глазах окружающих, принялся собирать крошки со стола. За колонной вновь открылось собрание. Возня, хохот усиливались. Обстрел не возобновился, но случилось нечто более неприятное, я услышал свое имя.

– Павлик, наш добрый человечек...

Коллега Игорь – узнал его ехидный голосок. Слушатели, вероятно, в упор посмотрели на мой лохматый затылок и покрасневшие уши. Любопытно, о чем они подумали? «Добро пожаловать в ад!» Изображая на этот раз полное равнодушие ко всему, что происходило вокруг, я стал постукивать ногтем по солонке.

– Ждет блондинка, нервничает, – оскорбительным образом незнакомый голос комментировал мое поведение.

– Ринату ждет, – пояснил Игорь, – у нашей Ринаты тоже внешность шлюхи с Карбидного шоссе.

– Не понял! Ну-ка, вынь пенис изо рта и скажи яснее! – сильно возмутился еще один, теперь крикливый голос.

Деловая беседа прервалась. Последовал звук резко выливаемой жидкости. Забеспокоились стулья, звонко ударили копытцами о керамический пол. Судя по другим, теперь глухим звукам, происходило избивание столовыми ложками и подносами, затрещал чей-то лоб, завизжала распоротая губа. Чувство жалости заставило меня вновь оглянуться. Расправа в разгаре! Пятеро извергов топили в залившем стол

соке мордочку щуплого, похожего на сломанную швабру паренька. Несмотря на бедственное положение, он не просил о пощаде, наоборот, дерзко фыркал, воинственно встряхивал длинными черными волосами. Длиннее моих, по самые плечи, чем спешили воспользоваться противники, вцепились, рвали прическу в клочья. Когда уборка стола была завершена, несчастного сбросили на пол. Он довольно бодро встал с колен, внимательно осмотрел доведенный до полного беспорядка костюм – пригладил, вытянул вдоль фигуры; направил мокрые кудри в единый поток. На розовом лбу ярче разгорались следы, оставленные кухонными приборами, а он, забыв о публичном унижении, летел ко мне.

– Ты – Паша, я – Ринат, нас уже познакомили приятели! Наконец-то и у меня появился мальчик для битья, ты скоро пожалеешь, что связался со мной. Пойдем в пневмокомнату, там я сплю с женщинами, когда женщин нет – дrouchу на портрет директора, короче, помогаю нашему заводу всем, чем могу.

Мы быстро разговорились и так же быстро подружились. С Ринатом в плане общения было очень легко, оскорблял меня в самых различных вариациях, тут, считаю, виновато и плохое воспитание, и расстройство чувств: ежедневные дежурства в тесном техническом помещении сильно ударили по нервным клеткам. Замечу, что в нашей квартире на самом почетном месте – стене зала – висят любимцы отца: часы с боем (фирмы Jantar), никому, кроме себя, не позволя-

ет заводить механизм большим ушастым ключом. Раскати- стые «Бам-м-м, бам-м-м» не переносят соседи снизу и ма- ма – «Замолчите, выйдите в окно!» – грозитя она распра- виться с нарушителями спокойствия. Папа не чувствует дис- комфорта, потому не воспринимает всерьез жалобы. Ночью пружины с шестеренками еще громче режут тишину на ров- ные секундные дольки, в конечном итоге охрипшим басом требуют минутку внимания. В ответ несутся непристойные эпитеты, гиперболы, метафоры...

Пневмокомната была увеличенной копией часов с бо- ем, внутри храпел хитроумный агрегат, очень громоздкий – наружу лезли трубки, провода, эластичные шланги; манометры, покрытые испариной, щелкали, показывали преде- лы давления. Вдоль стен рядами стояли кислородные балло- ны, дефектоскопы, вакуумные аппараты, компрессоры, электробатарей, коробочки с химикатами; что-то обязательно зар- яжалось или разряжалось, создавая соответствующую зву- ковую ауру. Это малый список всех неудобств, среди кото- рых затерялся крохотный Ринат. Тем не менее к ним мож- но и нужно привыкнуть, раз ты выбрал профессию налад- чика промышленного оборудования. Но есть люди особен- ного темперамента, долгое нахождение среди перечислен- ных неодушевленных объектов их в какой-то мере расчело- вечивает, превращаются в морлоков, в сонных безэмоцио- нальных существ. Однако когда выходят из своей пневмо- комнаты и сталкиваются с себе подобными, внезапно срыва-

ются и вываливают наружу накопившуюся – за часы медитации среди гудящих агрегатов – ностальгию, жажду общения с живыми людьми; частенько переходят рамки приличия, эксцессы их преследуют на каждом шагу. Они считают, что ведут себя вполне нормально и миролюбиво, но на самом деле являют своим поведением образцы вспыльчивости и неуравновешенности, легко поддаются на провокацию и сами нередко ее творят. Это моя довольно злобная характеристика Рината, потому что недоволен тем, как закончился наш разговор в дурацкой пневмокомнате.

Мы опустились на удобный кожаный диван, коричневый с островками благородной потертости, высокую спинку украшало зеркало, вырезано в форме ромба – расплывчато отражало ряды расставленных напротив приборов; подлокотники сама любезность, нежно целуют ручки. Как он сюда попал, из какого дворца стащили? Чувствуешь себя в музее старинной мебели, вспоминаются вышедшие из широкого употребления слова: гризетка, адюльтер, будуар, сибарит. Рядом с блистательным диваном расположилась убогая деревянная плоскость – изобретенный гением Ринатом трехлапый столик, на поверхности рисунки: стая мух, эмблемы иностранных автомобилей, колоссальные женские груди, худые бесполое ягодички, подписи посетивших пневмокомнату знаменитостей – «Здесь блудил и пил эликсир Филипп Ареол Бомбаст Теофраст Парацельс фон Гогенгейм». Внимание Рината привлекли штрихи полукруга, взял карандаш,

вмонтировал второй полукруг – получилось колесо. Автор пальчиком погладил свое творение, есть чем гордиться! Пора развлекать гостя.

– Ты туп-туп, тупейшее создание, ты это понимаешь? – с наигранным высокомерием обратился ко мне Ринат. – Нет, не понимаешь, – предположил он. – Объявляю – ты самый тупорылый новичок за всю историю РМЗ.

– Почему тупорылый? – возмутился я.

– Тебя облапошили, обдурили, – сокрушался Ринат, – купил у Сергея с Игорем талоны, а они бесплатно на месяц выдаются каждому рабочему. Ты тоже можешь запросто на себя взять в бухгалтерии.

– Я не знал. Огорчаться тут нечему – особо не разорился, думал, следует зарекомендовать себя с положительной стороны, поделился всем, чем богат. А то, что они воспользовались моим неведением, – это прежде всего их вина. Скверный поступок. Так что ты сильно ошибаешься – я не тупорылый, я, скорее, неосведомленный. Выражайся более грамотно.

Пышные волосы Рината полностью высохли – стал похож на выставочного нюфаундленда или на хорошенькую брюнетку, довольно ветреную, чем-то вечно недовольную. Мои вполне разумные пояснения его особо не убедили, да и, видимо, он никого не собирался слушать, даже самого себя.

– Игорь на твои деньги купил дешевку – вино марки «Агдам», приходи к углярке в четыре часа, там посидим, посо-

вещаемся. Ты пьешь спиртное?

Предчувствуя ловушку и новые издевательства, постарался увернуться от четкого ответа. Алкогольные напитки были для меня плохо изведанной территорией, в уме возникали книжные цитаты, театральные монологи о бедственном положении горьких пьяниц. Ринат прочитал на лице все, что я хотел от него скрыть, следовательно, пытку надо продолжать, желательно в форме блицопроса.

– Воровать умеешь?

– Не пробовал, если только по мелочам, и то с обязательным возвратом.

– Тебе морду били?

– В школе и на улице доставалось, если не успевал удрать.

– А ты бил морду?

– В раннем детстве дал кому-то пощечину, сразу попросил прощения, долго умолял... Чувство вины было такое сильное, что впервые подумал о самоубийстве.

– Покажи шрамы на запястьях, они у тебя обязательно есть.

– Не покажу – никому, никогда не покажу...

– Ты девственник?

– Я не девственник.

– Как докажешь? Опиши в подробностях, как снимал с нее трусы.

– Ты о ком?

– Да хоть о ком. У тебя есть сестра, расскажи, как подгля-

дывал за ней в ванной. Она по квартире ходит в трусах или без трусов?

– У меня нет сестры, извини, в трусах не разбираюсь.

– Жаль, настоящий мужчина должен разбираться в женских трусах. Хотя бы скажи по секрету, как звали твою первую победу?

– Фамилии не помню.

– Имя, имя...

– Ну, пусть будет Виктория, по-латински так и звучит: победа.

– Тело у нее мягкое или тощее?

– Не имею понятия.

– Ты импотент?

– Не имею понятия!

– Онанируешь?

– Разве кто-то в этом когда-то признавался!

– Куришь?

– В старших классах пробовал разочек, – сказал я, и это была святая правда, пробовал разочек, когда отцу подарили купленный в Москве голландский табак, очень приятный на запах, как у хороших женских духов. Дым мягко щекочет обоняние, если не затягиваться.

– Тебе какие машины нравятся? Мне – немецкие.

– Мне – никакие.

– Ну, так как ее звали – Фаина, Сара, дядя Сережа? Кто первый использовал мальчика? Имей в виду, в угларке, ку-

да я тебя приглашаю, заваялись две страшные невесты, после литра «Агдама» предпочитают насиловать новичков. Ты не поверишь, я тоже был когда-то новеньким, с достоинством прошел обряд посвящения. Трахали так, что в заднице появился второй анус.

Словесные расстрелы коллеги Рината сильно огорчали. Никогда не слышал столько плоских, солдафонских пошлостей. По его представлениям, у девушек, особенно красивых, нет ни сердца, ни ума, ни души. Свое тело он поделил на зоны влияния – приоритетные и второстепенные, та часть, что ниже пояса, – круглые сутки занимала внимание. Мне больше всего хотелось расспросить о гибком, слишком либеральном графике работы: почему заводчане так долго обедают и отдыхают; хотелось побольше узнать о Рафе, Яковлеве и желтой фуфайке. Но атмосфера резвой, подростковой анархии, царившая внутри пневмокомнаты, совершенно не располагала даже к попытке завести доверительную беседу.

Цех набирал обороты, жег пальцы, рвал глаз. Литые опоры, державшие крышу, не находили себе покоя, дрожали, точно заведенные ноги. Мощь колебалась между восходящей и нисходящей октавой. Машины, надрываясь, раздвигали границы материи: дробили, окультуривали самые дикие, самые упрямые формы, вырванные из недр планеты. Живая сила из столовой переместилась в цех. Здоровые, симпатичные, сытые люди, облаченные в кристально чистую спец-

одежду. Рыцари массового производства! Включили волшебную кнопку. Сконцентрировали внимание. Дружно выполняют заказы и плановые показатели, меняли назначение предметов, рвали по-свински визжащую тупую болванку; особо прочный резец вышвыривал тяжелые, шершавые линии. На выходе тысяча миллионная деталь: женские округлости, бутылочные блики, удовлетворение и знак высокого качества. Это была обоюдная обработка – человек точил деталь, деталь – человека. Крохотными шагами мы из обезьян превращаемся в тварей, равных богам, лишь для того, чтобы делать еще более совершенные станки...

Карусельный – медленно ломал шею новой заготовке, раскидывая по сторонам изящные пружинки. Раф регулировал ход превращения, то приостанавливая, то ускоряя, – не сразу заметил, как рядом возникла стройная тень юного помощника. Я двигался тише ртути – все-таки опоздал на целый час или полтора часа, а может, и вовсе не опоздал. Тем не менее хотелось угодить, понравиться своему патрону, кажется, в этом состояли мои прямые обязанности. Он вынул сигарету из влажной волосатой щели, вопросительно посмотрел на совок и щетку. Я повиновался – схватил их. Но он искал совсем другую вещь, блуждающий взгляд остановился на черной книжке под названием «Токарное дело», отдыхала на полочке вместе с инструментами.

– Возьми, почитай внимательно.

Мягкий, равнодушный приказ услышан и охотно при-

веден в исполнение. Среди пустых шкафов я нашел удобную скамейку. Приготовился к не слишком увлекательно-му чтению. Ногтем поскреб обложку, обнаружил, что ранее она имела более жизнерадостную расцветку, плохое обращение переделало в траур. Раскрыл книгу – пахнуло внутренностями разобранного мотора. На первом желтом листе уместилось краткое вступление о важности всех профессий без исключения. Постарался выучить текст, полагая, что мастер обязательно устроит экзамен. Перелистнул – появились цифры, расчеты, знаки каббалы. Голова наполнилась песком. Ненавижу математику, она – отвечала взаимностью. Разочарованно захлопнул книжку, отложил в сторону. Вернулся к Рафу, искренне признался: совок и щетка мне ближе, чем сложная токарная премудрость. Он спокойно согласился: можно обойтись и без теории, позволил встать рядом и наблюдать за медленным процессом рождения детали. Завораживающее зрелище. Двухэтажный Донателло послушно следовал стандартам, может быть, творил своего двойника. Вращение, равномерное жужжание успокаивали, уносили за пределы завода. Стоять бы так молча без движений до конца смены, до конца жизни. Взял пример с Рафа, прикрыл глаза и постарался не замечать, что здесь происходит.

Полностью погрузиться в спасительную прострацию помешал коллега Игорь, подкрался, уколол острым локтем, подмигнул, молча показал куда-то сквозь стену, не дождавшись того, чего хотел дожидаться, исчез. Что он хотел сооб-

щить своей мимикой и пантомимой – я особо не стал разбираться, потревоженные веки больше не желали закрываться, пришлось сосредоточиться на Яковлеве. Сгорбился, застыл, только руки совершали четкие, равномерные движения. Настоящий робот из мяса и крови. Полная гармония со станком, как будто играл партию на музыкальном инструменте, из органных труб вылетали компактные, идеальные по форме запчасти. Если на ум приходит старомодное – «виртуоз», значит, Яковлев постиг смысл такого редкого явления, как добросовестная работа. Раф тоже выполнял свою рабочую норму, но, скажем так – машинально, точно сдавал неприятные медицинские анализы. «Энтузиазм, самоотдача для него смертельны, – думал я. – Бесспорно, он профессионал в своем деле. Яковлеву, возможно, не допрыгнуть до его уровня, но года, небольшая зарплата и, куда уж без дурных привычек, развратили, развалили великого мастера». Когда мою кандидатуру предложили в качестве подмастерья, покорно принял назойливую обязанность, хотя в душе проголосовал против. Вслух – молчание, потому что споры и выяснения отношений отбирают слишком много энергии у тем более немолодого мужчины. Исходя из данного умозаключения, можно смело предположить, что и учить меня своему искусству не собирается. Выходит, Игорь прав, через месяц-другой бессмысленное стояние перед станком закончится? Ну что же, главное требование к помощнику – быть незаметным, по возможности вовсе исчезнуть – с удоволь-

ствием исполню. И судя по тому, как я был встречен после бессрочного обеда, – можно и дальше валять дурака, в любую минуту уйти куда угодно, неприятных вопросов, упреков не дождусь, даже увольнять не станут, невидимку невозможно уволить. Я с благоговением посмотрел на Рафа, гадая, куда бы отпроситься. Мысли действительно материализуются! Появился Ринат, тоже показал сквозь стены цеха. Сам пошатывался, угощал себя светлой шоколадкой. Теперь понял, чего хотел Игорь, – меня дожидаются благородный «Агдам» и новая порция издевательств.

– Идем, собрание открылось, – громко звал Ринат. – Граф тебя обязательно отпустит, ты ему только мешаешь спать. Даже не отпрашивайся, иди без спроса. У завода мало заказов, каждый от силы полтора часа делает вид, что работает. Завод экономит электроэнергию, нечем платить, скоро здесь все отключится, кроме углярки. У нас круглые сутки ярко горят люстры, умеем воровать свет, мы и тебя научим воровать киловатты, родители скажут потом спасибо. Вперед!

Гостеприимная углярка, прямо скажем, не манила, я буду главным блюдом на этом шумном застолье, заказчики ждут не дождутся, если послали второго курьера. Все-таки легкая дремота в тени Рафа куда безопаснее. А ведь мог порвать талоны, мог сбежать под благовидным предлогом. Трус, трус или, как говорит мама в припадке гнева, – идиота кусок! Пришлось поломаться.

– Вы будете пить, пьянствовать. Как же я могу в первый

день... Это против правил, выгонят с позором.

– Паш, тебе сколько лет?

– В мае следующего года исполнится девятнадцать...

– Следующего года дожидаться не обязательно, ты уже достиг возраста, когда можно злоупотреблять крепким. Я ничего подобного не предлагаю, мы любители, дилетанты, замахиваемся только на прохладительные виноградные напитки. «Агдам» в переводе с азербайджанского – моча девственницы, очень противный на вкус, зато так взбодрит, так оттрахает мозг, что забудешь отца с матерью. Закуска тоже на месте – магазинный холодец, настоящий подлец, вонючий и колючий, в качестве начинки – рога с копытами. Обрыгаловка ожидается сумасшедшая. Позже к нам присоединятся девочки, с ними, как уже говорил, придется повозиться, если им все-таки удастся тебя изнасиловать, то ничего страшного. Я-то рядом, после помогу надеть штаны. Как – соблазнительно звучит, уговорил?

Раф прекрасно слышал этот глупый треп, кивнул головой на мой вопросительный взгляд. Карусельный станок грозно нависал над нами и тоже никого не удерживал. Тоска зеленая. Я здесь совершенно лишний персонаж, но сбежать просто так никто не позволит. Надо обглодать новичка до косточки и выплюнуть так, как это умеет делать только коллега Сергей.

Мы сгнули в безмерности соседнего цеха. Люди здесь были большой редкостью, их вытеснили за ненужностью.

Успешная революция неодушевленных предметов. Повсюду громоздились штабеля труб различного диаметра, пачки листовой стали – вдоль и поперек стеллажи с забытой продукцией. Снизу ногам угрожали невидимые барьеры, сверху опасность более заметна – козловой кран протянул к нам ослепительные крючья, завязанные петлей тросы. Из углов и закоулков выпадали умывальники, вешалки, батареи отопления, наглядные инструкции по технике безопасности. Мерцали ярусы, купола, запутанные уровни, трехпалубная высота, винтовые лестницы уходили в железное небо. Ржавая мгла, потоки окисления. Не хватает только закоченевших, повисших в воздухе старинных звуков гидравлического молота и паровозного гудка. Ну что там еще дальше? – металл, металл, парад металла. Думаю, это самое точное описание любого завода эпохи индустриализации. Утомительно, зрением вобрал в себя столько металла, сколько хватит человеческому организму до конца земного существования. Еще немного, и произойдет отравление. Провожатый оборачивался, хрустел шоколадкой, угрожал, просил не включать паузу, иначе сгину, не найду дорогу в мир людей. Цель близка. Наше движение замедлилось, кулисы темноты раздвинулись, проступили контуры низкого, короткого строения, по виду что-то между фотоаппаратом из XIX века и ящиком Пандоры. Как гласит легенда, давным-давно на предприятии действовала своя автономная котельная, позже за ненадобностью ее поглотили новые производственные корпуса.

Не демонтировали только помещение, где в угольной пыли копались и задыхались кочегары. Сейчас углярка превратилась в точку притяжения для местной золотой молодежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.